

Мани Лейб

(1883-1953)

Мани Лейб (Мани Лейб Брагинский) родился в 1883 году в Нежине, Черниговской губернии, в бедной семье. До 11 лет учился в хедере, потом пошел в ученики к сапожнику, пять лет спустя стал хозяином мастерской. Тогда же вступил в революционное движение — начал с украинской социалистической партии, потом был эсером, анархистом, социал-демократом. В 1904 году был арестован, несколько месяцев сидел в тюрьме. После второго ареста в том же году бежал в Англию, где принял участие в революционном движении эмигрантской молодежи и под влиянием И. Х. Бренера впервые напечатал свои стихи в социалистическом еженедельнике «Ди найе цайт».

В 1905 году Мани Лейб переехал в Америку, поселился в Нью-Йорке. Работал на обувной фабрике, много печатался в еврейских газетах и журналах. Мани Лейб был самым ярким поэтом в движении символистов «Ди юнге». Воззрениям движения Мани Лейб остался верен и после 1-й мировой войны, когда большинство его участников пошли иными путями. В 1918 году в Нью-Йорке вышли несколько сборников стихотворений Мани Лейба: «Лидер» («Стихи»), «Баладн» («Баллады»), «Идише ун славише мотивн» («Еврейские и славянские мотивы»). Наиболее длительным было сотрудничество поэта с газетой «Форвертс»: здесь напечатано его первое по приезду в США стихотворение, а с 1946 года, заболев туберкулезом и уйдя с фабрики, он стал постоянным сотрудником газеты.

Стихи Мани Лейба отличаются романтической приподнятостью, тонким лиризмом, музыкальностью, емкостью слова, часто окрашены тонким юмором. Он обращался к сказкам, легендам, народным песням, много писал для детей. Его поэтический язык одновременно изыскан и прост. Популярность творчества Мани Лейба продолжала расти и после его кончины (1953 год, Нью-Йорк). В 1955 году вышел двухтомник «Лидер ун баладн» («Стихи и баллады», Нью-Йорк), а в 1963 году (Тель-Авив) — сборник под тем же названием с параллельным переводом на иврит Ш. Мельцера и с предисловием И. Мангера — друга и единомышленника Мани Лейба. Широко известна сказка Мани Лейба в стихах «Ингл-цингл-хват», неоднократно переиздававшаяся в СССР; его стихотворение «Лид фун бройт» («Песня о хлебе»), положенное на музыку, до сих пор очень популярно в репертуаре еврейских школ. На музыку положены и многие другие стихотворения поэта. Мани Лейб перевел на идиш стихи ряда русских поэтов.

СТИХОТВОРЕНИЯ

СКВОЗЬ ИГОЛЬНОЕ УШКО

Утешенье, ты без толку,
Все во мне яснее дня —
Криком бы не выдать только
Сокровенного меня!

Только стих — молитвы выдох,
Век, слезу сморгнувших, стыд —
Перед алтарем на плитах
Агнцем связанным лежит.

И, верблюду, свой горб крамольный —
Рот, иссохший от огня,
Я тащу ушком игольным
Сокровенного меня.

Перевод Валерия Шубинского

БАБЬЕ ЛЕТО

Рассыпалось, сгорая, бабье лето —
Вот кольца дыма, вот золотая прядь —
И мне осталось в тишине, до света
Благоговейно пепел собирать.

Деревня. Ночь. Луна мячи кидает,
С моей играет болью, как дитя.
В траве белесой тыквы вырастают,
Как луны желтокожие, блестя.

Деревья — свечи голубого воска —
Застыли перед Богом в тишине.
Лист упадет — и тишь ответит жестко,
И жестче — горе тайное во мне.

Перевод Валерия Шубинского

Я — МАНИ ЛЕЙБ

**Я — Мани Лейб. Не знать невозможно:
Знают Бронсвилль, Егупец и целый свет:
Не худший сапожник в цехе сапожном,
В цехе поэтов — не худший поэт.**

**Юнцом-подмастерьем (так оно было)
Сидел, тачал сапоги — и вдруг
Из сердца песня ввысь воспарила...
И выпало тут же шило из рук.**

**Так первая муза ко мне слетела,
Меня поцелует даря своим
И дрожь впервые пронзила тело,
Которая слово дает немым.**

**И стали уста, как источник свежий,
И песня — как гостья издалека,
И сделался тесный мой мир безбрежен,
И сладостен хлеб, и доля сладка.**

**Других подмастерьев нашего цеха
Смутило песен моих волшебство.
Но я не добился у них успеха:
Они не могли понять ничего.**

**Их жизнь была полной слез и печали,
И на мои песнопенья в ответ
Меня осмеяли и прозвище дали:
Башмачник-рифмачник, штиблет-поэт.**

**Ну что ж, ухожу — до свиданья, братцы!
Неужто за шилом я кончу дни!
Хочу до поэтов скорее добраться,
Хочу я стать таким, как они.**

Как только — птенец, скорлупу пробивший —
Достиг я почтенной этой среды,
Был ими обласкан сапожник бывший
И принят немедленно в их ряды.

Поэты, подобные певчим птицам!
Петь гимны невиданным чудесам
Судьба нам — выпренним, белолицым...
Как в день базарный нищим певцам.

Мы пели — и наш напев повторяя,
От края до края мир пел и цвел.
И голод томил нас, и доля злая
И в гроб молодым не один сошел.

Господь питает и птичку в небе —
Одним лишь поэтам не повезло.
Пришлось и мне, в заботах о хлебе,
Вспомнить сапожное ремесло.

Но, Муза, спасибо — пускай немного
Еды и питья в закромах твоих.
Служу я тебе бескорыстно, строго:
Тачаю сапог — и слагаю стих.

Так пусть эти несколько слов несложных
Помнят Бронсвилль, Егупец и целый свет:
По счастью, я не поэт-сапожник,
Я, Мани Лейб — сапожник-поэт!

Перевод Валерия Шубинского

НЕЖИН

Нежина трубы и тропы,
Ивы, снопы, огурцы.
Грязи весною потопы,
Снега на кровлях венцы.

Нищий на рынке с бандурой,
В землю уткнувшийся бык,
Маклер косматый и хмурый,
Свиньи и русский мясник.

Сотни картузов, а выше —
Высь океана синей...
Аисты клекчут на крыше,
Огненный гребень над ней.

Стадо — и пыль, как из сита,
Бич, как коса, над гуртом...
Смотрит на город с гранита
Гоголь с насмешливым ртом.

И от креста над седьмою
Улицей падает тень —
Церковь приветствует гоев
Звоном в их праздничный день.

Мимо, с ракитой зеленой
Звучно псалмы голоса,
Всходят евреи по склону,
Мертвого к мертвым неся.

И на завалинках бабки,
Бают сверчками свою
Небыль: о злыднях побаски
Да про пророка Илью.

**И — воровская головка! —
В час, когда все уж кончился день.
Крадется Лейбеле ловко
В барский садок за плетень.**

**Слушай! Мужичий угрюмый
Хор (то ли плач, то ли вой)
Взвился шевченковской думой:
"Гей, соловийко, не пой!".**

**И, коли плачу и пенью
Отдана полночь во власть —
Слушает мальчик, уменью
Пенья и плача учась.**

Перевод Валерия Шубинского

БРУКЛИН

О Бруклин! Серый камень с пылью.
Нависла над тобой тоска.
Уныло распростерший крылья,
Ты в обмороке на века.

Ты дремлешь, в землю скукой вбитый,
Ты ею навсегда пленен.
И по чертам твоим разлита
Тоска всех стран и всех времен.

И красит серым неизменно
Тоска любой из дней твоих:
Любого дома дверь и стены,
И каждый из огней ночных.

И по любой твоей дороге
Сквозь ту тоску — сквозь суть твою —
Плетутся в черных лентах дроги
К кладбищам на твоём краю.

А в праздник — в кирхах серых, сонных
Органа музыка сера,
И пиво женщины в бидонах
Несут из лавочек с утра.

А за углом — квартал еврейский,
В пожарных лесенках стена,
И всюду газа свет нерезкий,
Тоской пропитанный до дна.

Тоска — в стене серо-зеленой
Чающейся кухни, в духоту,
Когда приходит вечер сонный
И тянет руки, все в поту.

И пот на лбу, и взор искрится
У карточного игрока —
Покуда все не растворится
В унылой песенке сверчка,

Покуда Скука, все скрывая,
Рукою не закроет рты,
Покуда стрелка часовая
До нужной не дойдет черты.

Пора в постель, спокойной ночи,
Вставать-то рано поутру,
Пройдет, как прежде, день рабочий —
Продолжим вечером игру.

Тоскливо в Бруклине! Об этом
Ты, память, мой рассказ тяни —
Какие здесь провел я летом
С добрейшим дядей Бером дни.

Как в духоте, в зеленых стенах,
За серым кухонным столом
Сидели дядя мой почтенный,
Его сосед и я — втроем.

И снова тешились игрою,
И клали сального туза,
И мелочь сыпалась средь зноя,
В поту, соленом, как слеза.

А сверху — зелень абажура
И газового свет рожка,
И жаркий вечер дышит хмуро
Сквозь окна, и во всем — тоска.

И в крик, и в звуки перебранки,
И в детский плач ворвется вдруг
Бродячей уличной шарманки
Мучительный и резкий звук.

А нам втроем, сжимая карты,
Сидеть, как в полусне, в тоске...
Сопит сосед — так дышат карпы

На окровавленной доске.

**А дядя весел, дядя лихо
Острил, стирая с носа пот.
Да что-то все бормочет тихо,
Да все через плечо плюет.**

**А мне тоска — тоска, нет мочи:
Опять игра, и сон дурной,
И день тяжелый после ночи —
Как бесконечный путь степной.**

**Вот так, тоска, в твой мутный омут
Нырнул я и дошел до дна:
В тебе душа и тело тонут
И растворяются сполна.**

Перевод Валерия Шубинского

ОНИ

Как много, Господи, как много было их,
Таких насмешливых, таких живых — на славу! —
Их бороды, как смоль, вилися кучеряво —
И свет не слыхивал доселе слов таких!

Под каждой кровлею рождался свежий стих:
Про Эли-мелеха, про золотую паву.
Псалтырь Давидова там пела величаво,
Напев субботних глав звучал, суров и тих.

И солнце лишь одно видало, как завис
Над головой их нож кровавый, ледяной,
И как ужасен был удар его стальной,
Какие реки крови пролились.

Теперь они — лишь тень былой веселой мощи:
Три пня, оставшихся от вырубленной роши.

Перевод Валерия Шубинского

ТИШЕ, ТИШЕ

Тише, тише — смолкни, крик!
Каждый — бледен, безъязык,
Станем, чуть дыша, во мгле,
Болью пригнуты к земле.

В час ночной, из самой тьмы,
Он примчится в тишине
К нам на белом скакуне,
И его увидим мы.

Увидав сиянье глаз,
Белый цвет его плаща,
Мы воспрянем, трепеща,
Свет его падет на нас.

Только — тише! Смолкни, крик.
Каждый — бледен, безъязык,
Станем, чуть дыша, во мгле,
Станем, пригнуты к земле.

Если это — жалкий бред,
Если все — посул пустой,
Если мы во тьме густой
Даром ждали столько лет —

Долу боль приклонит нас,
Долу склонимся с тоской,
В тишине, рука с рукой —
Тише, тише что ни час.

Тише, тише — смолкни, крик!
Каждый — бледен, безъязык,
Станем, чуть дыша, во мгле,
Болью пригнуты к земле.

Перевод Валерия Шубинского

НА ПЯТОЙ АВЕНЮ

На Пятой Авеню есть белые стены,
Белые стены, переполненный зал.
Девушки шьют и ждут смиренно,
Когда раздастся вечерний сигнал.

Но в омуте часов не слышать его звона,
А день в лихорадке — и бредит уже,
Ходят девичьи руки, взвизгивают сонно
Иглы на тринадцатом этаже.

Белый шелк, синий шелк, и лиловый, и алый —
Взвизгивают иглы — все тоньше их стон,
Входит солнце, от горя бледное, в залы —
И клубится пыль среди зеленых колонн,

И взвизгивают иглы глухо и сонно
Где-то на тринадцатом этаже.
Ходят девичьи руки — а звуки и звоны
В омуте тонут, неслышные уже.

Перевод Валерия Шубинского

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ СЕБЕ САМОМУ

Сын Герша Ицика почил здесь — с черепками
На выцветших глазах и в саване, как след.
В мир, как на ярмарку, из Небыло-и-нет
Явился он пешком, нагруженный мешками

Со свежим ветерком. Своими же руками
Другому отгрузив товар свой, слаб и сед,
Когда лился уже свечей субботних свет
В окно, вошел он в дом усталыми шажками,

И мириады звезд взглянули с вышины
На всех евреев — и с тех пор его могила
От будничных забот вовеки отделила
И шум базарный — от субботней тишины.

А нераспроданный им ветер в чистом поле
Завещан дочкам и сынам — по равной доле.

Перевод Валерия Шубинского

СКАЗОЧКА

**За широкими морями,
За далекими горами,
Недоступна, не видна,
Есть волшебная страна.**

**Там друг в друга не стреляют,
Там погромов не бывает,
Не слышали о войне
В этой сказочной стране.**

Перевод Р. Торпусман

СТРОКИ ЕСЕНИНА

Есенина строки — в них юность и хмель,
И вкус их вишневый я чую досель.
Всё дерево — в вишнях, всё — соком полно,
Аж корни дрожат — так налилось оно.
Цепляйся за ветки — и лезь поскорей!
Из дрожи, что вдруг под пятою твоей
Ты в детстве заметил, та вишня растёт.
И — ягод полны и ладони, и рот!
И льёт по щекам и за ворот волна
Густого, как кровь, золотого вина.
Ты пьян. Но глаза твои смотрят, трезвы,
Чтобы выпытать радость зелёной листвы.
Ты видишь: как будто из чрева земли
Восходит светило, ты видишь: взошли
Щетинистый лён и квадратики ржи,
В траве восковой — зелены и свежи.
Капуста на грядках, вся в листьях густых,
Фасоль молодая на стеблях витых,
Огурчиков ряд в золочёных венках,
На грядках, что кроются в шёлковых мхах, —
Все зреют, все пьют золотые лучи.
И там, на стерне, приглядишь, различи
Парнишку, чьи кудри спадают на лоб,
На зелени поля желтея, что сноп.
В лаптях, подпоясан простой бечевой,
А очи — нездешней полны синевой.
В неведомый город ведёт его шлях,
И песню поёт он колосьям в полях:
От нивы цветущей в ней — млеко и мёд,
От рук земледельца в ней радость живет.
Коровам поёт на лугу, что горит
В лучах, в ослепительном свете зари.
Поёт — а тропа, как во сне, повела
В столицу его из родного села,
Чтоб стать там певцом, чтобы слава певца
Звенела повсюду, в веках, без конца.

Ушёл он — и песня ушла вместе с ним,
Рассеявшись в воздухе быстро, как дым.
Один лишь кузнечик стрекочет в полях
Да ветер поёт в золотистых стеблях.
И вскоре коса зашуршит, и заря
Услышит весёлый напев косаря.
Пустеют поля, и встаёт средь полей
Деревня в осенней овчине своей,
И — запах полыни, и спелых калин
Набухшие ягоды — ржавый рубин,
И — блеск паутинки на голой стерне,
И — лошадь уводят пастись в табуне,
И небо, где стаяй летят журавли,
И даль, что они окликают вдали.
А после — дожди много дней напролёт,
И скрежет колёсный в грязи у ворот,
И солнце, которому в полдень невмочь
Подняться до кровли, и ветер всю ночь;
А после — морозец, и ветхой стрехи
Серебряный иней покроем верхи.

Омытый, в овинах покоится лён —
Ждёт пальцев прядильщиц и их веретён,
Помолот весь хлеб, а в амбаре, забыт,
Один пожелтевший огурчик лежит.
Корова отелится — режут телка,
Течёт его кровь по поле мясника,
Над вишней безлистой звучит без конца
Грай чёрных ворон, надрывая сердца.
И пахарь, плетущийся из кабака,
Ругает и долю свою, и сынка,
И палкою бьёт по дороге пустой,
Сманившей его, и бормочет с тоской:
«Ведь эдакий жид — так его и растак!
На песню село променял — на пустяк!»

Тепло, и уютно, и тихо в избе,
Под печкой сверчок тараторит себе,
Горшок на столе, вся в иконах стена,
Лампадка под каждой из них зажжена,
На стеклах узоры, в окошке — зима,
И тихая, будто с иконы сама,
Крестьянка сидит, вспоминая с тоской
О сыне, что сгинул в дали городской.
Берёза в окошке бела и легка,
Чернеет на ветке гнездо голубка,
Но вылетел голубь, и пусто в гнезде,
Засыпаны тропы, сугробы везде.

Деревня, по крыши в гагачьем пуху,
На печке лежит, завернувшись в доху.
В курятнике спят петухи допоздна,
А вечером в окнах черно. Так она
Продремлет всю зиму среди снежных полей,
Как мишка тяжелый в берлоге своей.

Идет воскресенье, и колокол бьёт,
И сходится в храм на вечерню народ.
Над церковью крест, а вверху, над крестом —
Вороны, кричащие в небе пустом.
В заплёванный пол троекратно челом
Стучит вся деревня во храме своём —
Но вот уже водка утишить спешит
Взыгравшее пламя крестьянских обид.
И песни тяжелой тоскою полны,
И рвутся гармошки, от горя пьяны,
И рвутся, и стонут, и сразу же — в пляс,
Покуда воскресный денёк не угас,
Покуда деревня, пьяна и дика,
Не свалится на пол в дверях кабака,
Покуда побитые жёны мужей
Не поволокут от кабацких дверей;
Пока на подушку из девичьих глаз
Слеза одинокая не пролилась:

**«Свистун мой, певец мой, в далёком краю
Неужто не слышишь, как слёзы я лью?
Сменял ли меня мой любимый жених
На барышень важных — на сук городских?»**

**Лошадка чихает, чтобы выпустить власть
Всю пыль, что зимою в ноздрях собралась.
И вишня, как будто надевши фату,
Стоит над водою вся в белом цвету.**

**Деревня — на поле, в работе своей,
По пояс — в жару раскалённых лучей,
Все руки в мозолях, на лбу её пот,
И смотрит, раскрыв в удивлении рот,
Как едет долиною франт городской,
Как машет он спьяну в окошко рукой:
«Дорогу! Глядите на мой шарабан!
Вернулся домой ваш поэт-хулиган!
Повсюду любим он, прославлен у всех,
В Москве и в Нью-Йорке знавал он успех.
Но слава его отравила — и в нём
Тот яд загорелся смертельным огнём.
Колдуньей-танцовщицей заворожён,
И песню, которой прославился он,
Он пропил, и кудри — овсяный венец,
И голову пропил свою наконец.
Примите ж бродягу — он сын ваш родной,
Готовьте ж для сына верёвку с петлёй».**

**Деревня в ответ усмехается зло,
Хочет над гостем родное село:
«Каков — поглядите! Дождались сынка:
Сынка-щеголька, свистуна-барчука!»
Луна-кобылица глядит из-за туч,
В озёрной воде отражается луч.
Цветущая вишня стоит в полумгле,
На вишне — певец с головою в петле.**

**И кажет луне он, бескровен и дик,
Язык золотой свой, замолкший язык.**

**Ах, пьяный мальчишка, ты без топора
Подсёк эту вишню, белей серебра!**

Перевод Валерия Шубинского

© Составление, оформление, В.И.Кишиневский, 2003, 2004